

Се Цинъянь взял инструменты и принялся копать.

С первой же попытки его ждала неудача. Цветок словно врос в землю: лопата уже погнулась, а почва даже не шелохнулась, в то время как в небе начали сгущаться грозовые тучи.

Се Цинъянь с натянутой улыбкой, делая вид, что всё идет по плану, обернулся к распорядителю Ли:

— Видите? Сами посмотрите, насколько сильна эта проклятая мощь.

Распорядитель Ли, испуганно округлив глаза, попятился на несколько шагов.

Се Цинъянь изначально хотел просто забрать цветок, но после нескольких безуспешных попыток, когда растение словно упрямялось и не желало следовать за ним, он неожиданно усмехнулся.

— Распорядитель Ли, отойдите пока в сторону и никого сюда не пускайте. Боюсь, проклятие становится всё сильнее, не хочу, чтобы вас задело. Я сам с ним разберусь.

Услышав это, распорядитель Ли поспешно удалился, оставив Се Цинъяня наедине с цветком.

Се Цинъянь поднял лопату и посмотрел на растение с таким злодейским выражением лица, будто сам был главным антагонистом:

— Значит, не хочешь, чтобы я тебя выкопал? Хорошо. Тогда Юань Чанъянь тоже тебя не получит.

Он поднял лопату высоко над головой, собираясь с силой обрушить её на цветок, словно намереваясь превратить его в кашу.

Но в самый последний момент, когда лезвие почти коснулось лепестков, Се Цинъянь резко изменил траекторию и вонзил лопату в землю рядом с ним.

— Эта лопата была в земле, а следующая вонзится прямо в твой корень. Советую тебе вести себя смирно и позволить мне себя выкопать. Иначе, раз я не могу тебя получить, то и другие не получат. Я скорее уничтожу тебя. Подумай хорошенько: ты пять тысяч лет ждало, чтобы расцвести и дать плоды, вряд ли тебе хочется ждать ещё пять тысяч лет.

989, наблюдая за этим монологом, погрузился в молчание. Неужели цветок действительно понимал его угрозы?

Как выяснилось, понимал.

После изрядной порции угроз Се Цинъянь увидел, как листья цветка задрожали, и с усмешкой подобрал свою лопату.

За дверью Юань Чанъянь, выжидавший подходящего момента, уже готовился ворваться внутрь. Переступив порог, он, всё ещё ощущая тревогу, вошел в помещение и громко окликнул Се Цинъяня, который сидел на корточках, занимаясь чем-то непонятным:

— Се Цинъянь, что ты здесь делаешь?

Се Цинъянь, завершив сохранение прогресса, медленно поднялся на ноги и с ехидной улыбкой посмотрел на него:

— Ну и чего ты кричишь?

Юань Чанъянь ещё ничего не успел сделать, но уже почувствовал, будто лишился чего-то важного. Нахмурившись, он посмотрел на то место за спиной Се Цинъяня, где земля была разрыта, и чувство утраты в его душе лишь усилилось.

— Что ты здесь только что выкапывал? Можешь показать мне?

Слушая этот допрос, Се Цинъянь встретился с ним взглядом и невольно вспомнил своё детство.

Юань Чанъянь рос в любви, и всё, чего бы он ни пожелал, оказывалось у него в руках. Жители деревни души в нём не чаяли и отдавали всё лучшее, даже то, что самим было нужно, включая тех никчёмных людей, что были родителями Се Цинъяня.

В сущности, если бы дело было только в этом, Се Цинъянь просто ненавидел бы его. Но самое страшное было в другом: стоило Юань Чанъяню получить какую-то вещь, он с притворным интересом подходил к Се Цинъяню, предлагал какие-то грошовые подачки и требовал обменять их на то, что было для того по-настоящему ценно.

Сначала это были лечебные травы, купленные на сэкономленные медяки — Юань Чанъянь из чистого любопытства решил попробовать их на вкус, из-за чего у Се Цинъяня случился рецидив болезни.

Позже стало только хуже. Он говорил, что у них большая семья и нет животных, поэтому он хочет посмотреть на щенка Се Цинъяня. В итоге он забрал собаку, а через несколько дней она погибла, упав в колодец. Глядя на холодное тельце своего единственного друга, Се Цинъянь впервые познал жгучую ненависть.

И каждый такой обмен неизменно заканчивался новыми шрамами на его теле.

Не отдашь — избыют домашние.

Отдашь — всё равно избыют.

Если он отказывался, Юань Чанъань расстраивался, и его наказывали, оставляя без еды и избивая.

Если соглашался, его наказывали за то, что он, неудачник, вообще посмел обмениваться вещами с таким счастливымчиком, как Юань Чанъань, и при этом не принёс их семье никакой удачи. Во всём всегда был виноват он сам.

Со временем от него осталась только ненависть.

Тон, которым Юань Чанъань говорил сейчас, был до боли знаком. Он слышал его бессчётное количество раз в детстве. Юань Чанъань снова хотел с ним поменяться.

— 989, как думаешь, есть ли вероятность, что Юань Чанъань знает: чем хуже мне, тем больше ему везёт?

989 задумался: — Такая вероятность не исключена. Я просмотрел записи и обнаружил, что каждый раз, когда ты пытался пробудить меня для вызова, тебя что-то прерывало...

Се Цинъянь посмотрел на лицо Юань Чанъаня, отряхнул руки от земли и, чувствуя, как в его пространстве духовный цветок, почуявший главного героя, отчаянно рвётся наружу, желая расцвести, ослепительно улыбнулся:

— В грязи копаюсь, не видишь, что ли?

Юань Чанъань, разумеется, не поверил. Было очевидно, что тот что-то выкопал и теперь скрывает. Если бы они были детьми, это ещё можно было бы списать на игры, но они уже столько времени в секте Сюаньюань Тяньцзун, Се Цинъянь — практикующий мастер, с какой стати ему играть в грязи!

Улыбка Юань Чанъаня стала натянутой, а сердце забилось в бешеном ритме, словно требуя немедленно отобрать у Се Цинъяня то, что он только что получил. Иначе он потеряет не просто вещь, а нечто куда более важное — свою удачу.

— Цинъянь, мы столько лет близкие друзья, к чему такая скрытность? Я ведь ничего тебе не сделаю, просто хочу взглянуть.

Се Цинъяню стало тошно от этого притворства. Сколько ещё раз он собирается использовать этот трюк? И ведь каждый раз находятся дураки, которые на это ведутся.

Снаружи зала лекарственных трав, услышав жалобный голос младшего брата, примчался Цзянь Имин. Даже не разобравшись в ситуации, он начал громко отчитывать Се Цинъяня:

— Зачем ты обижаешь моего младшего брата?!

Се Цинъянь, наблюдая, как Цзянь Имин утешает Юань Чанъяня, закатил глаза и сделал шаг вперед:

— Старший брат Цзянь, такие обвинения требуют доказательств. Я здесь играл с землёй, а младший брат Юань настойчиво требует показать ему что-то. Я ответил, что там ничего нет, кроме грязи. Это теперь называется обидой?

В этот момент он увидел, что к залу приближается распорядитель Ли. Се Цинъянь с помощью духовной энергии вызвал у себя приступ и сплюнул кровь прямо на лица Цзянь Имина и Юань Чанъяня, повергнув их в полное замешательство.

Распорядитель Ли, увидев, как Се Цинъянь пошатнулся и начал падать, испугался и бросился на помощь, подхватывая его:

— Младший ученик Се, ты в порядке?

Се Цинъянь с болезненным видом, дрожащей рукой ухватился за него, лицо его было бледным как полотно:

— Распорядитель Ли, я просто выполнял ваше поручение по перекопке земли, но младший брат Юань потребовал показать ему то, что я нашел, и это вызвало у меня рецидив старой травмы. Не могли бы вы отправить меня на пик Пинцан к моему наставнику?

Распорядитель Ли был глубоко тронут. Стало ясно: парень пострадал от ответного удара проклятия, но всё равно заботился о том, чтобы не вызвать подозрений у того, кто его наложил, и взял вину на себя. Какой благородный юноша!

— Не беспокойся, твой наставник как раз пришел, иди с ним.

Постойте, встретиться со Сяо Ваном в такой ситуации?

Если он поймет, что это всё игра, наказание будет ещё не таким страшным, но если он узнает, что это он его...

Тогда всё кончено.

<http://bllate.org/book/22473/2365819>